

**ТЕОРИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
В СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКЕ
(основные аспекты проблемы)**

Теоретические проблемы изучения этнического самосознания получили новое освещение в советской этнографической науке в последние десятилетия и связаны с успехами, достигнутыми советскими учеными в разработке теории этноса, в том числе типологии этнических общностей, проблем этногенеза и этнической истории, этнических процессов. Наиболее полно и всесторонне основные параметры теории этноса изложены в монографиях Ю. В. Бромлей¹.

Определяя понятие «этнос», Ю. В. Бромлей пишет: «Этнос (или этнос в узком значении этого термина) может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» (1983, с. 57, 58). Принципиально новым в теории этноса является выделение в одном понятии двух категорий собственно этноса-этникоса и этносоциального организма (ЭСО). Подчеркивая особое значение социального, общественного, потестарно-политического фактора в судьбе этноса, Ю. В. Бромлей пишет, что «в объективной реальности этнос не существует вне социальных институтов, выступающих в роли его структурообразующей формы» (1973, с. 38, 39).

На наш взгляд, можно говорить, что в теории этноса сложилась определенная система взглядов на этническое самосознание, которую можно определить как «теория этнического самосознания», хотя формирование отдельных ее слагаемых продолжается. В создании этой теории принимают участие советские ученые многих специальностей: этнографы, социологи, филологи, историки, демографы, антропологи, психологи, философы.

Среди проблем, которые рассматривает теория этнического самосознания, можно выделить следующие: определение понятия «этническое самосознание»; история изучения; источниковедческая база; методика исследования; определение места этнического самосознания среди других признаков этноса; этническое самосознание и этнические общности разного таксономического уровня; этническое самосознание и типы этнической общности; этногенез и этническое самосознание; компоненты этнического самосознания и их истоки; соотношение этнического самосознания и других форм общественного сознания, и прежде всего этнополитического; особенности этнического самосознания различных социально-экономических формаций, исторических эпох; функционирование этнического самосознания и его связь с социально-экономическим развитием общества; соотношение между самосознанием этноса и его самоназванием; судьбы этнонимов, прежде всего самоназваний (эндоэтнонимов); причины усиления или ослабления роли этнического самосознания в истории этноса.

Все перечисленные аспекты теории этнического самосознания в том или ином объеме освещены в нашей науке. В данной работе мы остановимся на историографии нескольких, как нам представляется, узловых проблем.

Из истории термина «этническое самосознание». Интерес к проблемам национального самосознания в советской науке пробуждается в

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; *его же*. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981; *его же*. Очерки теории этноса. М., 1983. Далее, при повторном цитировании этих и других работ сноски на них будут даваться в тексте.

40-х годах, еще во время Великой Отечественной войны и вскоре после победы советского народа. Почти одновременно трое ученых: историк В. В. Мавродин, литературовед Д. С. Лихачев и этнограф П. И. Кушнер отметили огромную роль национального самосознания и истории древних и современных народов.

В 1945 г. в Ленинграде издательством ЛГУ была опубликована монография В. В. Мавродина, в основном написанная в 1943—1944 гг. в Саратове². Заключительные главы книги посвящены проблеме формирования древнерусской народности. При анализе этой кардинальной проблемы автор выделяет два аспекта: язык и национальное самосознание³. «Два основных фактора, — замечает он, — определяют собой народность как понятие этническое: язык и национальное самосознание, сознание себя как единой народности» (с. 396). И далее, раскрывая содержание и истоки национального самосознания древнерусской народности, В. В. Мавродин пишет: «Достаточно беглого взгляда, брошенного на наши древнерусские источники (а именно они отражают мысли передовых людей Древней Руси), чтобы убедиться в том, насколько развито было у далеких наших предков чувство патриотизма, любви к Родине, само понятие Родины, земли Русской, насколько большое, всеобъемлющее понятие вкладывалось ими в слово „Русь“, „Русская земля“» (с. 396).

Для изучения развития взглядов на национальное самосознание высказывания В. В. Мавродина представляются очень важными. Исследование огромного материала по истории Древней Руси подвело автора к признанию самосознания в качестве важнейшего признака древнерусской народности. Более того, В. В. Мавродин вскрывает истоки формирования национального самосознания, находя их как в характеристике (признаках) этноса, так и в его конкретной истории, наконец, он определяет компоненты самосознания.

В том же 1945 г. была опубликована книга Д. С. Лихачева, в которой автор рассматривает проблему самосознания через призму русской литературы и искусства XI—XVII вв. В небольшом предисловии к книге Д. С. Лихачев раскрывает свое понимание понятия «национальное самосознание русского народа»: «Национальное самосознание в Древней Руси имеет своими показателями не только памятники письменности и искусства: борьба за свою политическую и культурную самостоятельность и за свое государство служат самым ярким свидетельством высокого уровня национального сознания русского народа»⁴.

Примечательно, что в работах В. В. Мавродина и Д. С. Лихачева национальное самосознание не только названо как один из важнейших признаков народа, но и определены его истоки, намечены его компоненты (В. В. Мавродин); охарактеризованы источники изучения; формы проявления (Д. С. Лихачев).

Как известно, в советской этнографической литературе заслуга постановки вопроса о национальном (этническом) самосознании как важном признаке этнической общности принадлежит П. И. Кушнеру (Кнышеву). 14 декабря 1948 г. П. И. Кушнер выступил на заседании Группы общей этнографии Института этнографии АН СССР с докладом на эту тему. В 1949 г. автореферат его доклада был опубликован в «Кратких сообщениях Института этнографии»⁵. В этой работе, а также в монографии «Этнические территории и этнические границы» он не только утверждал необходимость учитывать национальное (этническое) самосознание при характеристике этнической общности, но и отмечал, что

² Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

³ В тот период понятие «национальное самосознание» использовалось для различных исторических эпох.

⁴ Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 3; см. также его книгу «Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.)». М.; Л., 1946.

⁵ Кушнер П. И. Национальное самосознание как этнический показатель // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1949. VIII.

национальное самосознание меняется в ходе ее развития. «Национальное самосознание не является прирожденным свойством человека»⁶, — писал П. И. Кушнер. Особо он подчеркивал, что национальное самосознание развивается из более примитивных форм сознания этнической общности и проходит ряд этапов, соответствующих стадиям развития общества» (1949, с. 3). Данное замечание П. И. Кушнера представляется в высшей степени плодотворным, ибо оно утверждает историчность понятия «национальное самосознание».

В последующие годы вопросы национального самосознания получили свое освещение в работах И. И. Потехина, посвященных национально-освободительному движению и современным этническим процессам у народов Африки. В книге о южноафриканских банту национальному самосознанию посвящена специальная глава⁷. «Национальное самосознание — это, прежде всего и главным образом, сознание принадлежности к своему народу, осознание его национальных интересов», — писал И. И. Потехин. И далее: «национальное самосознание является органической частью общественного сознания и подчиняется тем же законам развития» (с. 218). Развитие национального самосознания анализировалось автором наряду с такими аспектами, как «этническая территория», «экономическая общность», «язык и культура» (с. 177—218). К вопросам национального самосознания И. И. Потехин вновь обратился в 1964 г. Рассматривая сложный путь этнического развития народов Ганы в прошлом и выявляя специфику национального развития в 60-е годы XX в., он обращал внимание на три основных момента: языковую ситуацию, формирование общих черт материальной и духовной культуры, развитие национального самосознания⁸.

Национальное самосознание как этнический определитель наряду с языком было положено в основу этнодемографического исследования «Численность и расселение народов мира»⁹.

Определенным рубежом в развитии представлений об этническом самосознании стал 1964 г. Здесь еще раз надо отметить, что до этого времени речь шла о «национальном самосознании» применительно и к древним этносам и к современным.

В 1964 г. появляются две работы двух выдающихся советских этнографов: С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова, в которых впервые речь шла не только о национальном самосознании, но и шире — об «этническом самосознании».

Этническое самосознание — неотъемлемый компонент этноса. Летом 1964 г. на открытии одного из симпозиумов VII МКАЭН (Москва, 1964) Н. Н. Чебоксаров выступил с докладом «Проблемы происхождения древних и современных народов», в котором не только включил этническое самосознание в число признаков этноса, но и особо подчеркнул вторичность фактора этнического самосознания по отношению к основным признакам этнической общности: фактор этнического самосознания представляет собой некоторую результативную функцию действия основных признаков этнической общности¹⁰. Далее Н. Н. Чебоксаров отмечал, что взаимодействие всех основных признаков этнической общности, «их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного фактора, фактора этнического самосознания, который является в конечном счете решающим для определения принадлежности к той или иной этнической общности» (с. 748).

В том же году была опубликована статья С. А. Токарева, в которой он определил этническое самосознание как порождение исторического соотношения различного вида социальных связей (общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономи-

⁶ Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 42.

⁷ Потехин И. И. Формирование национальной общности южноафриканских банту. М., 1955. С. 219—238.

⁸ Потехин И. И. Становление новой Ганы. М., 1965. С. 314—331.

⁹ Численность и расселение народов мира/Под ред. Брука С. И. М., 1962. С. 46—49.

¹⁰ Чебоксаров Н. Н. Проблемы происхождения древних и современных народов (Вступительное слово на симпозиуме). Труды VII МКАЭН, т. V. М., 1970. С. 748.

ческих связей, культурного уклада, религии), на которых может быть основана этническая общность. «Исторически обусловленное соотношение между этими видами связи,— писал С. А. Токарев,— порождает этническое самосознание, посредством которого субъективно определяется в наше время этническая принадлежность того или иного лица, той или иной социальной группы»¹¹. В этом высказывании С. А. Токарева был поставлен вопрос об истоках этнического самосознания, о его связи с признаками, характеризующими этническую общность.

Идеи, изложенные в работах С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова, имели огромное значение для дальнейшего развития нашей науки. Примечательно, что за высказанными положениями стоял обширный этнографический материал, уникальные энциклопедические познания, присущие этим ученым. Эти работы стали также важной вехой в изучении этнического самосознания, определенным водоразделом между двумя этапами. С одной стороны, они как бы завершали предшествующий период изучения этнического самосознания, и в то же время открывали новые горизонты.

В работах ряда исследователей конца 40-х — начала 60-х годов национальное самосознание уже рассматривалось как один из признаков этнической общности. Причем в определениях национального самосознания содержатся мысли о вторичности самосознания, о его истоках и содержании. Особо выделяется представление об эволюции этнического самосознания. Но все же в целом, анализируя этот период, мы можем говорить, что тогда был сделан лишь первый (хотя и очень важный) шаг на пути формирования теории этнического самосознания, всестороннее развитие которой начинается с середины 60-х годов.

Во второй половине 60-х годов в связи с дискуссией по теории нации, проводившейся журналом «Вопросы истории», в ряде работ историков и этнографов вновь был рассмотрен вопрос об этническом (национальном) самосознании. Подавляющее большинство участников дискуссии включало национальное самосознание в число признаков нации (Бромлей, 1983, с. 173—175).

Наиболее полно проблемы национального самосознания были поставлены в работах В. И. Козлова¹².

В 1967 г. В. И. Козлов так определил этническое самосознание: «...этническое самосознание — сознание принадлежности людей к определенному народу, конкретно проявляющееся в употреблении ими единого названия народа». Далее он отмечал, что этническое самосознание «возникает в процессе длительной совместной жизни людей под воздействием ряда факторов. Сильное воздействие на его формирование оказывают социальная среда, представление об общем происхождении и общих исторических судьбах и т. д.» (с. 109).

Интересным представляется поставленный В. И. Козловым вопрос о роли этнического самосознания в судьбах этнической общности. В этой же работе В. И. Козлов выдвинул этническое самосознание на первое место среди других признаков этнической общности (с. 111). Это положение В. И. Козлова было поддержано Г. В. Шелеповым¹³.

Значительный вклад в развитие представлений об этническом (национальном) самосознании в 60-х годах внесли работы Б. Ф. Поршнева¹⁴ и И. С. Кона¹⁵.

¹¹ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии)//Вопр. философии. 1964. № 11. С. 53.

¹² Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации//Вопр. истории. 1967. № 1; *его же*. О понятии этнической общности//Сов. этнография (далее — СЭ). 1967. № 2; *его же*. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса//СЭ. 1974. № 2.

¹³ Шелепов Г. В. Общность происхождения — признак этнической общности//СЭ. 1968. № 4. С. 71.

¹⁴ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966; *его же*. «Мы и они» как конститутивный принцип психологической общности//Материалы III Всесоюзного съезда Общества психологов. М., 1968. Т. II. Вып. 1.

¹⁵ Кон И. С. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических преубеждений//Новый мир, 1966. № 9; *его же*. Национальный характер — миф или реальность?//Иностран. лит., 1968. № 9.

В работах Ю. В. Бромлей этническое самосознание стало определяться как «непременное условие функционирования этноса» (1973, с. 98), как «неотъемлемый компонент этноса» (1983, с. 173).

Этническое самосознание и этнические общности. Вычленение этнического самосознания как одного из признаков этноса поставило перед этнографами вопрос о соотношении этнического самосознания как с этническими общностями разного таксономического уровня (в синхронном плане), так и с различными типами этнических общностей (в плане исторического развития).

Как известно, в связи с развертыванием исследований по теории этноса внимание советских исследователей привлекла проблема типологии этнических общностей¹⁶.

Несмотря на дискуссионность многих вопросов, связанных с типологией этнических общностей¹⁷, необходимо отметить, что в настоящее время большинство ученых признает необходимость выделения на синхронном уровне в системе «этническая общность» понятий (и явлений) разного таксономического уровня. Впервые эта точка зрения была высказана М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым в 1957 г. в связи с раскрытием понятия «этническая общность». Во введении к трехтомному изданию «Очерки общей этнографии» М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров писали: «Наряду с термином „народ“ этнографы часто употребляют выражение „этническая общность“». Последнее понятие шире первого, так как этнической общностью” можно назвать и группу народов, близких по языку и культуре, и часть народа, имеющую известное языковое и культурное своеобразие»¹⁸. Эта точка зрения более подробно изложена Н. Н. Чебоксаровым в его уже упоминавшемся докладе на симпозиуме VII МКАЭН (1964), а также в статье «Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых»¹⁹. К этим вопросам в 1967 г. обратился и В. И. Козлов.

Проблема этнических общностей разного таксономического уровня нашла свое освещение в работах К. В. Чистова и Ю. В. Бромлей. Чтобы отличать «этнические общности» от «этнографических общностей», Ю. В. Бромлей ввел иные терминологические понятия: 1) «основные этнические подразделения», или «этноты» («народ», по терминологии Н. Н. Чебоксарова), т. е. совокупность людей, обладающих наибольшей интенсивностью этнических свойств; 2) «элементарные этнические единицы», или «микроэтнические единицы» («этнографические группы», по Н. Н. Чебоксарову) — наименьшие составные части основного этнического подразделения, представляющего собой предел делимости последнего); 3) «макроэтнические единицы» («этнолингвистические общности», по Н. Н. Чебоксарову и В. И. Козлову) — этнические общности, которые охватывают несколько основных подразделений²⁰.

Система взглядов Н. Н. Чебоксарова на «этническую общность» (1964, 1967) включала представление о том, что во все эпохи существовали и существуют общности более высокого и более низкого таксономического уровня, чем основные этноты. Особенно важным представляется замечание Н. Н. Чебоксарова, что этнический характер этих общностей определяется наличием у них «элемента самосознания» (Чебоксаров, 1970, с. 750). И далее, Н. Н. Чебоксаров отмечал, что самосознание может быть многостепенным и включать сознание при-

¹⁶ Историографический обзор работ советских исследователей на начало 70-х годов см.: Кузнецов А. И. Понятие «этническая общность» в советской науке последнего десятилетия (Доклад для IX МКАЭН). М., 1973.

¹⁷ Об этом, в частности, свидетельствуют материалы дискуссии, опубликованные на страницах «Советской этнографии» в 1986 г. (№ 3, 4) в связи с публикацией статьи М. В. Крюкова «Еще раз об исторических типах этнических общностей»//СЭ. 1986. № 3.

¹⁸ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Общие сведения (расы, языки и народы)//Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия, Океания, Америка, Африка. М., 1957. С. 10

¹⁹ СЭ. 1967. № 4.

²⁰ Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей//СЭ. 1972. № 5. С. 61, 62.

надлежности как к этносу, так и к группам, стоящим таксономически выше и ниже его. В разных исторических условиях различные уровни (градации) самосознания могут проявляться с разной силой.

В 1972 г. К. В. Чистов показал, что иерархичность этнического самосознания определяется и осложняется тем, что на синхронном уровне оно сосуществует, непрерывно взаимодействует, трансформируется, совпадает с самосознанием классовым (сословным), государственным, локально-географическим, конфессиональным, расовым, профессиональным и другими формами самосознания (например, «псковичи, западно-русские, русские»; «старообрядцы, старожилы, русские» и т. д.) или противопоставляется ему²¹.

В работах последних лет проблема многоступенчатости, иерархичности этнического самосознания, а также вопрос о соотношении его различных таксономических уровней наиболее полно и всесторонне рассмотрены на богатом фактическом материале развития самосознания славян в эпоху раннего средневековья²².

Одним из кардинальных вопросов теории этноса и теории этнического самосознания является вопрос о соотношении этнического самосознания с разными типами этнической общности. Несмотря на дискуссионность многих проблем, связанных с типологизацией этнических общностей, в настоящее время в советской этнографической науке общепринятым является представление о том, что основными типами этнических общностей в их историческом развитии являются племя, народность (в том числе «рабовладельческая народность» и «феодалная народность») и нация (в том числе «капиталистическая нация» и «социалистическая нация»).

В последние десятилетия советские этнографы немало сделали для разработки типологии этнических общностей. Хотя проблемы типологии затрагивались в работах советских ученых еще в начале 40-х годов (например, статья И. В. Арского (1941 г.) и доклад А. Д. Удальцова)²³, новый этап в их изучении приходится на 60-е годы. Зачинателем нового подхода к этому кардинальному направлению этнографии был С. А. Токарев (1964 г.).

В целом надо отметить, что в последнее десятилетие наибольшее число работ этнографов, историков, филологов и философов посвящено анализу формирования и функционирования, а также всесторонней характеристике этнического самосознания нации²⁴.

Большой интерес представляют также теоретические и конкретные историко-этнографические исследования, в которых рассматриваются проблемы возникновения этнического самосознания²⁵, его формирования и функционирования в раннеклассовом обществе²⁶, его эволюции в период раннего и позднего феодализма. Особо здесь надо отметить исследования, специально посвященные развитию этнического самосозна-

²¹ Чистов К. В. Этническая общность, этническое самосознание и некоторые проблемы духовной культуры//СЭ. 1972. № 2. С. 74.

²² Королюк В. Д., Литаврин Г. Г. Заключение//Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 250—266.

²³ Арский И. В. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе//Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1941. Вып. 12; Удальцов А. Д. Теоретические основы этногенетических исследований (Доклад, зачитанный в Ташкенте в 1942 г.)//СЭ. Вып. VI—VII. М.; Л., 1947. С. 301—303.

²⁴ См., например: Куличенко М. И. Марксистско-ленинское учение по национальному вопросу и современность. М., 1972; *его же*. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М., 1981; Хабибуллин К. Н. Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций. Учебное пособие. Пермь, 1974.

²⁵ См., например: Алексеев В. П. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 32—55; Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи//Там же. С. 55—82; Шнирельман В. А. Протоэтнос охотников и собирателей (По австралийским данным)//Там же. С. 83—109; Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986.

²⁶ Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 124—146; Першиц А. И. Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях//Там же. С. 163—179.

ния славян в период раннего феодализма²⁷, формированию этнического самосознания англосаксов и германских народов²⁸. Проблемы эволюции этнического самосознания детально рассматриваются в многотомной серии по этнической истории китайцев²⁹. Выводы, к которым приходят авторы этого исследования, а также методика их анализа имеют первостепенное значение для изучения эволюции этнического самосознания этносов в период раннего средневековья. Проблемам формирования этноса и этнического самосознания чжурчжэней в X—XII вв., а также самосознания японцев в период раннего средневековья посвящены монографии М. В. Воробьева³⁰. Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху рассматривается Р. Ш. Джарылгасиновой³¹.

Этническое самосознание — этногенез и этническая история. В системе представлений об этническом самосознании одно из центральных мест принадлежит проблеме: самосознание и этногенез.

Как известно, теория и методология изучения этногенеза и этнической истории народов мира всегда были одними из основных направлений развития советской этнографической науки³². Примечательно, что даже в годы Великой Отечественной войны в 1942 г. в Ташкенте была проведена научная сессия по этногенезу Средней Азии (27—29 августа). Среди ее участников были: А. Д. Удадьцов, С. П. Толстов, Л. В. Ошанин, М. М. Герасимов, Н. А. Кисляков, Г. Ф. Дебеч и многие другие. Идеи, высказанные в докладах, представленных на сессии, не утратили своего теоретического и историографического значения и в наши дни³³. Многие из них получили дальнейшее развитие в работе С. А. Токарева³⁴. Положения, выдвинутые С. А. Токаревым, в частности комплексный подход к изучению проблем этногенеза, стали на многие десятилетия основополагающими для нашей науки.

С начала 70-х годов, на новом этапе развития теории этногенеза, в советской науке утвердилось представление об определенной иерархичности, таксономической неравноценности признаков этнической общности. Советскими учеными, и в первую очередь В. Ф. Генингом³⁵, были выделены такие понятия, как «этнообразующие факторы», и «собственно этнические признаки». Среди последних наряду с языком и совокупностью черт культуры (а также особенностями быта) особое место было отведено «этническому самосознанию».

Признавая непрерывность мирового этногенетического процесса и этнической истории, советские этнографы высказывают мысль о наличии «кульминационных», «критических точек» в этническом процессе. Причем эти «прерывы постепенности» и знаменуют собой завершение

²⁷ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. Этнография беларусау. Гісторыяграфія, этногенез, этнічная гісторыя. Мінск, 1985.

²⁸ См., например: Колесницкий Н. Ф. Об этническом государственном развитии средневековой Германии (IV—XIV вв.)//Средние века. Вып. 23. М., 1963. Шервуд Е. А. Развитие этнического самосознания англосаксов (до XI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

²⁹ Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978; Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979; Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983; Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (XII—XIII вв.). М., 1984.

³⁰ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.—1234). Исторический очерк. М., 1975. С. 295—382; его же. Япония в III—VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1982. С. 264—288.

³¹ Джарылгасинова Р. Ш. Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1986.

³² Подробнее об этом см.: Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятия//СЭ. 1985. № 5.

³³ Сессия по этногенезу народов Средней Азии//СЭ. Вып. VI—VII. М.; Л., 1947. С. 301—325.

³⁴ Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза//СЭ. 1949. № 3.

³⁵ Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. Свердловск, 1970.

этногенеза той или иной этнической общности на определенном историческом отрезке. Примечательно, что одним из первых эту мысль еще в 1942 г. высказал С. П. Толстов³⁶. Важной задачей любого этногенетического исследования С. П. Толстов считал «определение того узлового исторического момента и того территориально-социального объединения, когда и где этногонический и глоттогонический процессы данного народа достигают ступени, близкой к завершению, когда становятся ясными его грядущие этнолингвистические результаты». Отмечая особую роль в этногенезе народов Средней Азии периода с IX по XII в., С. П. Толстов писал, что к этому времени процесс их этнического развития «достигает своей кульминационной точки, за которой язык и культура этих народов до конца средневековья не претерпевают качественных изменений, меняясь лишь количественно» (с. 304).

К аналогичному выводу о «критических точках» в развитии этноса на примере всестороннего исследования этнической истории китайцев пришел М. В. Крюков³⁷. Новым в развитии теории этногенеза, в понимании значения «кульминационных», «критических точек» в этническом развитии народов является вывод М. В. Крюкова, сделанный им в результате сравнительно-типологического исследования этнической истории древнекитайского и древнегреческого этносов. Этот вывод заключается в том, что «критическая точка», «прерыв в непрерывности» прежде всего характеризуется появлением у того или иного этноса «отчетливого самосознания, одним из проявлений которого является возникновение общего самоназвания», что и свидетельствует о «завершении процесса этногенеза» (с. 62).

В уже упоминавшемся многотомном исследовании по этнической истории китайского народа одно из центральных мест было отведено анализу развития этнического самосознания. Обобщение богатейшего материала, разнообразных видов источников, наконец, энциклопедический характер всего исследования позволили М. В. Крюкову по-новому подойти к трактовке теории этнического самосознания. Так, благодаря анализу особенностей этнического самосознания китайцев в различные исторические эпохи он смог показать, что в почти трехтысячелетней истории китайского этноса можно выделить две «критические точки», два «прерыва в непрерывности». Первый знаменовал завершение первоначального этногенеза, сложение этнической общности древних китайцев. Этот этап, хронологически датируемый серединой I тыс. до н. э., характеризуется появлением у древних китайцев отчетливого самосознания и общего самоназвания *хуася*. Вторым важным периодом в этнической истории китайцев (второй «критической точкой»), таксономически равным по своему значению первому, была эпоха VII—XIII вв., когда в основном закончилось формирование общности современных китайцев (Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 293). К этому времени изменилось самосознание народа и одно из внешних проявлений этнического самосознания — самоназвание. Начиная с X—XIII вв., новое самоназвание китайцев — «люди хань» вытесняет все остальные. Это самоназвание китайцев сохраняется и в наши дни.

Резюмируя свое понимание механизма процесса этногенеза того или иного этноса и, что особенно важно в аспекте рассматриваемой нами проблемы, определяя место самосознания в этом процессе, М. В. Крюков писал в 1976 г.: «Именно появление отчетливого этнического самосознания, одним из проявлений которого является возникновение общего самоназвания, и является свидетельством завершения процесса этногенеза» (с. 63).

Необходимо отметить, что этот процесс является длительным, и возникающее общее самоназвание долго сосуществует с другими названиями

³⁶ Толстов С. П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии//СЭ. Вып. VI—VII. М.; Л., 1947. С. 303—305.

³⁷ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза// Расы и народы. Вып. 6. М., 1976. С. 62.

ми. Для периода формирования этноса, для времени этногенетического процесса характерна многоступенчатость этнического самосознания и соответственно многоступенчатость этнических самоназваний.

Определение места этнического самосознания среди признаков этноса сопровождалось и рассмотрением проблемы «этническое самосознание и этническая история». Так, в 1967 г. этот вопрос был поставлен В. И. Козловым: «Достигнув определенной стадии развития, этническое самосознание, подобно другим идеологическим формам, может приобрести известную самостоятельность. Оно, в частности, может сохранять довольно длительное время даже при территориальном и хозяйственно-культурном отрыве отдельных групп народа от основного этнического ядра и при утрате им своего родного языка» (с. 109).

Особая роль этнического самосознания в истории народа была подчеркнута в 1972 г. К. В. Чистовым, который писал, что «этническое самосознание является не только результатом, но и одним из факторов, воздействующих на этнические процессы (их направление, темп, содержание и т. д.)» (с. 78). В этой же работе К. В. Чистов обращает внимание на тот факт, что в разные периоды этнической истории самосознание может обостряться или ослабевать (приглушаться), может иметь стихийный характер или организуемый.

Выявление закономерностей усиления и ослабления уже сформированного этнического самосознания на тех или иных этапах развития этноса представляется важнейшей задачей дальнейших теоретических исследований. Несомненно, дальнейшее исследование этого аспекта проблемы имеет не только научное, но и огромное практическое значение³⁸.

Компоненты этнического самосознания. Утверждение в советской этнографической науке представления о том, что этническое самосознание — непременное условие функционирования этноса, его неотъемлемый компонент, послужило основой для более углубленного развития системы взглядов на этническое самосознание.

Так, почти одновременно встал вопрос о содержании понятия «этническое самосознание»: часть исследователей понимает этническое самосознание узко, лишь как осознание принадлежности к тому или иному этносу (Козлов, 1974, с. 84), большая же часть предполагает более сложную структуру самосознания и понимает его расширительно (Бромлей, 1983, с. 190).

Вопрос о структуре этнического самосознания, о его элементах (компонентах) впервые был поставлен Г. В. Шелеповым (1968 г.). В структуру этнического самосознания автор включал: осознание людьми своей этнической принадлежности, этноцентризм, этнический стереотип, этнические антипатии (этногонизм) и этнические симпатии. Подчеркивая взаимосвязь всех элементов этнического самосознания, Г. В. Шелепов «главным структурным элементом» считал «осознание людьми своей этнической принадлежности», которое, по мнению автора, отражает общность их происхождения (с. 72).

Особая роль субъективного представления членов того или иного этноса об общности происхождения была детально рассмотрена в 1972 г. К. В. Чистовым, который в уже упоминавшейся работе писал, что «...объективная сложность этногенетических процессов не мешает людям, причисляющим себя к отдельным этносам, считать, что им свойственна общность происхождения, или по крайней мере сродство, они — „соплеменники“ члены одной общности — народа». Важность этого субъективного осознания социальных связей как внесоциальных, по мнению К. В. Чистова, столь значительна, что он включает его в понятие этнос. «Под „этносом“ („этнической общностью“, „народом“), по нашему мнению, — пишет он, — следует понимать исторически сложившуюся и отно-

³⁸ Дробижева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития//СЭ. 1985. № 5; Бромлей Ю. В. Национальные процессы в СССР: достижения и проблемы//Правда. 1987. 13 февр. С. 2, 3.

сительно устойчивую социальную общность, которая, однако, осознается людьми, причисляющими себя к ней по рождению, прежде всего как общность внесоциальная» (с. 73, 74). В этой же статье К. В. Чистов впервые поставил проблему взаимосвязей этнического самосознания и духовной культуры этносов³⁹.

В развитии теории этнического самосознания значительную роль сыграли выдвинутые Ю. В. Бромлеем положения о структуре этнического самосознания, о внутреннем механизме его развития, объективных основаниях его существования (1973, с. 98). С этого времени одним из аспектов изучения этнического самосознания становится направление, связанное с выявлением и анализом его компонентов, исследование их генезиса и эволюции. Ю. В. Бромлей высказал мысль о том, что компоненты этнического самосознания на субъективном уровне отражают объективные свойства этнической общности. Характеризуя идею общности происхождения членов этноса, он писал: «Необходимо различать два аспекта проблемы: с одной стороны, объективное существование общности происхождения членов этноса, с другой—представление о такой общности, выступающее как компонент этнического самосознания» (1973, с. 102, 103). Среди компонентов этнического самосознания Ю. В. Бромлей прежде всего выделил два основных: «представление об общности происхождения членов этноса» и «своеобразное отражение его объективных свойств». Эти два компонента он назвал «важнейшими составляющими этнического самосознания», отмечая при этом, что они находятся в тесном взаимодействии контролируя и дополняя друг друга (1973, с. 105).

Вопрос о компонентах этнического самосознания на примере изучения этнической истории древнекитайского и древнегреческого этносов получил освещение в работе М. В. Крюкова (1976 г.). Среди компонентов самосознания этих древнейших этносов человечества автор выделил следующие: представления о территории, о языке, об особенностях культуры, о единстве происхождения; этнические стереотипы.

Однако наиболее существенным и новым является высказанное М. В. Крюковым суждение об истоках формирования этнического самосознания. Автор убедительно показал, что эти истоки лежат на разных уровнях и восходят к таксономически неравнозначным понятиям. Он выделил три источника формирования этнического самосознания. Прежде всего это этноформирующие факторы (например, территория). Так, в этническом самосознании и древних китайцев, и эллинов важное место занимало представление о том, что они имели свою родину, общую (для каждого из этих народов) территорию расселения (1976, с. 59). Другие компоненты этнического самосознания могут отражать объективные признаки этноса как адекватно (например, язык), так и избирательно (например, особенности культуры) (с. 58). Наконец, в состав этнического самосознания могут входить компоненты-представления, которые существуют лишь на субъективном уровне и не являются отражением ни этноформирующих факторов, ни признаков этноса. К числу таких компонентов М. В. Крюков относит представление о «превосходстве» своего этноса (с. 59). Выявление иерархии происхождения компонентов этнического самосознания позволило автору наметить схему структуры характеристики этноса в целом, в которой самосознание (и его компоненты) связаны как с этнообразующими факторами, так и с этническими признаками (с. 60, 61).

Однако необходимо отметить, что одним из источников компонентов этнического самосознания являются социально-политические факторы. Причем на более ранних этапах формирования этноса и социальных институтов влияние последних на этнические особенно велико. Сознание социальных общностей входит как компонент в этническое самосознание.

³⁹ См. также об этом: Чистов К. В. Народные традиции и фольклор (Очерки теории). Л., 1986.

Таксономическая неравнозначность истоков компонентов этнического самосознания позволяет высказать предположение, что для процесса его формирования характерна хронологическая сегментация, длительная временная протяженность, постепенное складывание как бы отдельных элементов (территориальное самосознание, языковое самосознание и т. д.); количественное нарастание которых дает на определенном этапе качественный скачок. В этом плане представляется очень плодотворной мысль, высказанная В. А. Шнирельманом на основе анализа этнического развития австралийских охотников и собирателей, о существовании протоэтнуса, т. е. того состояния, когда этнос только формируется (1982, с. 102).

Представляется, что дальнейшее исследование проблемы структуры этнического самосознания, соотношения его компонентов, их эволюции как в теоретическом плане, так и в ходе накопления фактического материала по этнической истории народов мира делает эту проблему одной из фундаментальных. Ибо, как уже сейчас показано М. В. Крюковым, изменения в структуре самосознания, перемены в значимости отдельных компонентов и их смысловой наполненности и отражают главнейшие перемены в судьбе этноса.

В работах последних лет особое внимание уделяется проблеме качественных изменений в структуре этнического самосознания в ходе исторического развития этноса. Так, на примере развития этнического самосознания китайцев и корейцев в эпоху древности и раннего средневековья было показано, что возникающие различия выражаются в значимом соотношении компонентов.

Дальнейшие исследования структуры этнического самосознания, возможно, расширят сам спектр его компонентов. Так, например, изучение самосознания корейцев в раннефеодальную эпоху позволило вычлнить компонент, который был определен нами как «сопряженность-отстраненность» (или как «компонент притяжения-отталкивания»), отражавший отношение корейских этносов раннефеодальной эпохи к китайской культуре или, точнее, к китайской древности, бывшей, по определению Н. И. Конрада, античностью для восточноазиатского историко-культурного региона. Этот компонент может помочь в изучении этнического самосознания молодых этносов, формировавшихся на периферии центров античности (как известно, этим процессом было охвачено подавляющее большинство народов Евразии), а также в современную эпоху для более полного и всестороннего понимания структуры национального (этнического) самосознания освободившихся от колониального гнета народов Азии, Африки, Латинской Америки, особенно при восприятии ими ценностей «своей» и «мировой» («европейской») культуры (Джарылгасинова, 1986).

Примечательно, что в последние годы появился ряд работ, посвященных проблемам традиционной культуры этносов, в которых на богатом фактическом материале показано, как различные сферы традиционной культуры (фольклор, народная этика, календарные праздники) связаны с этническим самосознанием⁴⁰.

В книге «Очерки теории этноса» Ю. В. Бромлей расширил структуру этнического самосознания, выделяя следующие компоненты: этническую (национальную) идентификацию; представление об общности исторического прошлого народа; представление о «родной земле» и о государственной общности.

Принципиально новый этап связан с этносоциологическими и этнографическими исследованиями этнического самосознания у народов СССР. Эти исследования развернулись с начала 70-х годов; они проводились в РСФСР, Узбекской, Грузинской, Молдавской, Эстонской ССР;

⁴⁰ См., например: Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985; Чистов К. В. Народные традиции и фольклор (Очерки теории). Л., 1986; Громыко М. М. Традиционные формы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

национальная идентификация изучалась у удмуртов, карел и вепсов. В центре этих исследований находятся такие компоненты этнического самосознания, как автостереотипы, ценностные ориентации, отношение к своей культуре, национальные интересы⁴¹.

Результаты этих исследований подтверждают наличие среди компонентов этнического самосознания представления об общности исторического прошлого, представления о своей культуре (язык, традиционные виды культуры), о «родной земле». При этом возрастает значение такого компонента, как «национальные интересы», ослабевают роль этнических стереотипов⁴². Было подтверждено, что на разных этапах этнической истории на первый план выдвигаются различные компоненты самосознания, а иногда даже отдельные составные элементы того или иного компонента.

Внимание исследователей привлекала проблема функционирования этнического самосознания и его компонентов на уровне общности в целом и на уровне личности. В этом направлении значителен вклад этнопсихологов⁴³.

Этническое самосознание и этноним. Одним из важнейших проявлений самосознания является самоназвание.

Самоназвания, как и другие наименования народа (и его групп различного таксономического уровня), являются предметом исследования одного из разделов ономастики — этнонимики. «Этнонимика — особая отрасль науки об именах собственных, — писал в 1965 г. А. И. Попов, — отрасль, изучающая этнические имена»⁴⁴. Хотя одно время и высказывались сомнения по поводу включения этнонимов в разряд имен собственных, в настоящее время этнонимика заняла свое место в системе ономастических наук⁴⁵.

Сегодня к различным разделам этнонимии обращаются ученые различных профилей — лингвисты, этнографы, историки. Значительная роль в развитии этнонимики в последние десятилетия принадлежит основанной в 1967 г. группе ономастики Института этнографии АН СССР и ее руководителю В. А. Никонову. По его инициативе был подготовлен и издан в 1970 г. первый в мировой науке сборник «Этнонимы», специально посвященный вопросам этнонимии. Книга получила высокую оценку и у нас в стране, и за рубежом. Разделы по этнонимии содержатся почти во всех изданиях группы⁴⁶.

⁴¹ Пименов В. В. Некоторые черты национального самосознания. (по материалам Удмуртской АССР)//Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972. С. 345—358; Клементьев Е. И. Социальная структура и национальное самосознание (на материале Карельской АССР). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977; Кожанов А. А. Методика исследования национального самосознания (опыт разработки на материалах Карельской АССР). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978; Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма//История СССР. 1978. № 4; Старовойтова Г. В. О формировании татарской этнодисперсной группы в населении Петербурга-Ленинграда//СЭ. 1980. № 1; Дробижеева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк меж-национальных отношений. М., 1981; *её же*. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития//СЭ. 1985. № 5.

⁴² Дробижеева Л. М. Национальное самосознание. С. 3—16; Кцова Г. У. Методы изучения этнических стереотипов//Социальная психология и общественная практика. М., 1985.

⁴³ См., например: Кон И. С. Социология личности. М., 1967; *его же*. К проблеме национального характера//История и психология. М., 1971; Дашдамиров А. Ф. Нация и личность. Баку, 1976; Чеснокова И. Н. Проблема самосознания в психологии. М., 1977; Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978; Дашдамиров А. Ф. К методике исследования национально-психологических проблем//СЭ. 1983. № 2; Кон И. С. В поисках себя. М., 1984.

⁴⁴ Попов А. И. Основные проблемы изучения этнонимики СССР//Питання ономастики. Кив, 1976. С. 59.

⁴⁵ Попов А. И. Указ. раб.; Никонов В. А. Этнонимия//Этнонимы. М., 1970. С. 5—12; Джангузаков Т. Д. Основные проблемы ономастики казахского языка. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1976. С. 86—87.

⁴⁶ См., например: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. С. 239—257; Этнография имен. М., 1971. С. 6—32; Ономастика Поволжья. Горький, 1971. С. 285—298; Оно-

Многочисленный материал по этнонимии народов мира, обобщенный в научной литературе, позволяет со всей очевидностью говорить о том, что каждый народ в ходе своего развития, а также на каждом временном, синхронном срезе обладал и обладает целым комплексом наименований, который, очевидно, можно назвать этнонимической системой. Представляется возможным в этой системе вычленивать три основных пласта, три ряда: предэтнонимы; самоназвания, или по терминологии, предложенной Ю. В. Бромлеем, эндоэтнонимы; названия, данные другими народами, или, по терминологии Ю. В. Бромлея, экзоэтнонимы (1981, с. 12). Каждый из этих пластов очень сложен по своему составу. При этом надо иметь в виду, что эти пласты исторически взаимопроникаемы (так, например, название, данное другим народом, может со временем стать самоназванием).

Для изучения этнической истории народа, его культурно-хозяйственного облика, контактов, истории языка важно исследование как всей совокупности этнонимической системы, так и ее отдельных составляющих. При всей довольно тесной связи «народа» и его «наименований» нельзя смешивать историю народа и историю этнонима⁴⁷.

Хотя в этнонимической системе самоназвания являются не самыми многочисленными, в плане изучения этнического самосознания именно они представляют наибольший интерес. Для изучения самоназваний особое значение приобретают работы, посвященные выявлению наиболее раннего слоя самоназваний — «люди», «настоящие люди»⁴⁸, восходящего к дихотомии «свой» — «чужие».

Представляется, что дальнейшее накопление материалов по самосознанию этносов мира позволит выявить закономерности между этносом, его самосознанием и самоназванием.

Представление о сложной этнонимической системе, характерной для каждого народа, прекрасно выявляемое этнографами на современном материале, особенно важно, когда мы обращаемся к данным исторической этнонимии или к материалам палеоэтнонимии⁴⁹. Как правило, древние источники сохраняют лишь незначительную часть наименований того или иного народа. И по этим свидетельствам бывает трудно установить, какое место это наименование занимало в этнонимической системе. Особенно осторожно надо относиться к единичным этническим наименованиям, так как, несомненно, в реальной жизни они существовали в системе.

Необходимо отметить, что даже в синхронном разрезе, как правило, одновременно сосуществуют наименования разного таксономического уровня, соответствующие этническим общностям разного таксономического уровня. В 1970 г. М. А. Членов предложил такие этнонимы называть «собственно этнонимами», выделяя среди них «микроэтнонимы», «истинные этнонимы» и «макроэтнонимы»⁵⁰. Правда, в этом выделении

мастика Поволжья. Уфа, 1973. С. 9—26; Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. С. 9—26; Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 6—37; Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980. С. 3—66; Ономастика Востока. М., 1980. С. 199—241; Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 180—193; Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 58—83; Этническая ономастика. М., 1984. С. 6—69.

⁴⁷ Зуев Ю. А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962. С. 113; Никонов В. А. Указ. раб. С. 11.

⁴⁸ Никонов В. А. Указ. раб. С. 15—17; Чеснов Я. В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // Этнография имен. С. 9—13; Крюков М. В. «Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика. С. 6—12.

⁴⁹ См., например: Туголуков В. А. Народ один — названий много // СЭ. 1970. № 5. Пименов В. В., Федоров В. В. Удмуртские и марийские названия народов Поволжья // Ономастика Поволжья. 1973. С. 22—28; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; *ее же*. О названиях азербайджанцев на Кавказе // Ономастика Востока. С. 208—210; *ее же*. Названия кумыков в кавказских языках // Этническая ономастика. С. 23—27; Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX в. // СЭ. 1982. № 3. С. 96.

⁵⁰ Членов М. А. О некоторых индонезийских этнонимах (к вопросу об этнонимической классификации) // Этнонимы. С. 100.

не различаются самоназвания (эндоэтнонимы) и наименования, данные другими народами (экзоэтнонимы). Этнонимический материал, обобщенный в литературе, свидетельствует о том, что категории, выделенные М. А. Членовым, могут быть соотнесены как с самоназваниями, так и с экзоэтнонимами. Следовательно, можно будет выделять среди самоназваний микроэндоэтнонимы, истинные эндоэтнонимы, макроэндоэтнонимы; а среди экзоэтнонимов — микроэкзоэтнонимы, истинные экзоэтнонимы, макроэкзоэтнонимы. Примечательно, что в реальной жизни этноса каждая из этих категорий может быть представлена несколькими наименованиями. Исторически экзоэтнонимы (как правило, более многочисленные в этнонимической системе) взаимопроницаемы с эндоэтнонимами. Среди наименований этноса, или, правильнее сказать, так или иначе (часто ошибочно) связанных с этносом, — значительна группа, названная М. А. Членовым «псевдоэтнонимами», которую в исторической (или палео-) этнонимии бывает довольно трудно отделить от «собственно этнонимов».

Для решения задач этногенеза народа и формирования его самосознания первоочередным представляется выявление в этнонимической системе самоназваний, утверждающих завершение формирования этноса.

При этом необходимо постоянно иметь в виду, что иерархичность самосознания на синхронном уровне отражается в иерархичности самоназваний, на что неоднократно обращали внимание советские исследователи⁵¹.

Достижения советской этнографической науки в разработке вопросов этнического самосознания несомненны. Но несомненно также и то, что дальнейшие этнографические исследования конкретного материала и его теоретическое осмысление позволят расширить наши представления в целом об этническом самосознании, о закономерностях его развития, которые имеют огромное научно-познавательное и практическое значение.

⁵¹ См., например: *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое самосознание... С. 74; *Моногарова Л. Ф.* Эволюция национального самосознания припамирских народностей//Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 125, 126, 133, 134.

В. Ф. Петренко

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Развитие городской цивилизации ведет к определенной унификации человеческого жилища, транспорта, предметов потребления. Телевизор и холодильник, телефон и легковая машина становятся привычными предметами жителей как Европы, так и Северной и Латинской Америки, Австралии и Средней Азии. Житель Костромы может носить сорочку, сшитую по европейской моде из материи, сотканной, скажем, в Индии, покупать продукты, например марокканские апельсины, в универсаме, спланированном по типу американских супермаркетов, свободно говорить, скажем, по-английски и оставаться при этом типичным представителем русского этноса. Как справедливо отмечает Ю. В. Бромлей¹, национальная специфика интериоризируется, ментализируется, акцент в ее изучении смещается с анализа внешних материальных носителей культуры к изучению внутренних (ментальных) форм представлений че-

¹ *Бромлей Ю. В.* К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику//Сов. этнография. 1983. № 3. С. 67—75.